

Николай В. Кононов

Код Дурова

Реальная история «ВКонтакте»
и ее создателя

16+

Николай Викторович Кононов

Код Дурова. Реальная история «ВКонтакте» и ее создателя

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442369

Код Дурова. Реальная история «ВКонтакте» и ее создателя / Николай

В. Кононов; Манн, Иванов, Фербер; Москва; 2013

ISBN 978-5-91657-546-0

Аннотация

Серо-голубой логотип «ВКонтакте» мелькает на всех мониторах страны. Чем так притягательна виртуальная реальность соцсети для десятков миллионов россиян от 12 и старше? Кто придумал эту игрушку и куда этот человек ведет свою необычную компанию? Павел Дуров почти не общается с журналистами, но автору этой книги удалось проникнуть внутрь «ВКонтакте». Получилось не просто журналистское расследование, а авантюрная история, исследующая феномен сетевого предпринимателя-харизматика и его детища – а заодно и вполне материальное выражение популярности бизнеса соцсети.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	9
Глава 1	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Кононов

Код Дурова. Реальная история «ВКонтакте» и ее создателя

Эту книгу хорошо дополняют:

Мечтай, создавай, изменяй! Как молодые предприниматели меняют мир и зарабатывают состояния

Сара Лейси

И ботаники делают бизнес

Максим Котин

Предисловие

С этой книжкой нам очень повезло.

Нынешняя Россия – это страна потерянных сюжетов: истории шекспировского накала и гомеровского размаха буквально-таки валяются под ногами, да некому подобрать. На наших глазах рушатся империи, люди без имени и, в общем, без судьбы становятся хозяевами вселенной, чтобы тут же быть повергнутыми в грязь, из ничего создаются многомиллиардные состояния, а иногда и целые миры – и вся эта космическая свистопляска остается совершенно не описанной, не зафиксированной, не отливается не то что в граните – а даже в книжках в мягкой обложке. На то существует множество причин: архивы засекречены, пиарщики путают следы, или же, как принято сейчас говорить, «реальность настолько неустойчива и неоформленна, что ускользает от любого описания» (что, по-моему, совсем уже гнилая отмазка). Но факт остается фактом: когда будущим ученым потребуются источники по истории России раннего постсоветского периода, им практически не из чего будет составить библиографию – придется ограничиться подшивками «Коммерсанта» и «Ведомостей» да архивами соцсетей на калифорнийских серверах.

Редкое наше везение в том, что одна из происходивших рядом с нами удивительных человеческих историй превра-

тилась в книжку, которую вам сейчас предстоит прочитать. Притом что история эта до сих пор не была внятно отражена даже на коммерсантовских страницах. Да и сервера, которые в ней фигурируют, прописаны вовсе не в Кремниевой долине.

Мир, о котором рассказывает книга Николая Кононова, — он вроде как есть, но, с другой стороны, его как бы и нет. Если у вас есть родственники или знакомые младше двадцати, вы наверняка замечали, что в их браузере постоянно мелькает сине-голубой логотип «ВКонтакте», и то, что происходит на страницах с этим лого, почему-то кажется им более важным и осмысленным, чем так называемая реальная жизнь (если вы сами являетесь тем родственником и знакомым младше двадцати лет, то извините, что здесь приходится объяснять такие очевидные вещи, а также не очень понятно, как вы нашли в себе силы оторваться от «ВКонтакте» и взяться за книгу).

Само пространство, маркированное сине-голубым логотипом, руками не потрогать, словами не назвать — и приклеиваемые к нему ярлыки «заповедник школоты» или «клон фейсбука» никак не объясняют этого феномена, а лишь позволяют от него временно отделаться. История вопроса, масштабы происходящего и список ответственных лиц при этом остаются совершенно не ясны — а меж тем существует смутное подозрение, что этот логотип мелькает перед глазами неспроста, а мир, в котором мы живем, будет все больше пе-

реползать в сторону «ВКонтакте» просто в силу поколенческих закономерностей.

К тому же существует (и будоражит воображение) сама фигура основателя «ВКонтакте», который в двадцать с небольшим заработал миллионы долларов (которые ему, кажется, не очень нужны) и затащил в свои сети миллионы пользователей (с которыми он делает что хочет). И, как писали раньше в журнале «Афиша», – что с этим делать, решительно непонятно.

Велико искушение на основании всего вышеизложенного объявить Павла Дурова выразителем духа времени и представителем мира будущего – править которым будут полчища мини-Дуровых, зарабатывающих миллиарды, не отрываясь от экрана ноутбука. Но «цифровая элита» потому и является элитой, что попасть в нее могут единицы – для этого требуется смелость, наглость, тонкое чутье и мгновенная реакция, большинству, по определению, недоступные. Для этого нужно мыслить глобально, действовать локально, уметь угадывать, что нужно людям, гораздо раньше, чем люди сами могут это сформулировать, не думать о миллиардах и иногда отрываться от ноутбука. Поэтому вряд ли стоит читать книгу Кононова как портрет Героя Нашего Времени или описание того, Как Все В Мире Будет Устроено, – в фигуре Дурова слишком много исключительного, не сказать, эксцентрического, чтобы делать из его истории Далекоидущие Выводы.

Возможно, правильнее было бы подойти к этому тексту

как к авантюрному роману, серии удивительных приключений и сказочных перевоплощений – развязка которых, кажется, далеко не очевидна. Кажется, один из важных мотивов для Дурова – стремление сделать все назло и поперек системе, в которую его пытаются встроить, разломать рамки, в которые его стараются загнать, обмануть ожидания относительно логики собственного поведения. Это тот случай, когда ничему удивительному в его судьбе не стоит удивляться. Возможно, через несколько лет он скроется в нейтральных водах на бронированной яхте в компании какой-нибудь Леди Гаги, или купит контрольный пакет акций «Газпрома», или уединится в мансарде на Невском, чтобы рисовать собак. Герой этой книги не борется за свободу – а утверждает ее самым фактом своего существования.

В любом случае, это открывает и перед автором, и перед читателями блистательную перспективу: в том смысле, что продолжение следует.

Юрий Сапрыкин, публицист, шеф-редактор «Рамблер-Афиша»

Пролог

Поток бурлил, завивался и крутил водовороты из прохожих и зевак, глазающих на собор, который обнимал колоннадой площадь. По проспекту фланировали студенты, назначившие группе встречу в средоточии толп и теперь искавшие своих. Азиаты в водонепроницаемых пончо фотографировали особняк на углу канала – гипсовые вазы на голубом, трава сквозь решетку балкона.

Человеческий трафик рождал шум, который смешивался с гудками, колокольным звоном и призывами на экскурсию по городу. Течения сгущались у перехода от площади к дому с кованым панно, называвшим первого владельца – Zinger. Медные девы-валькирии с копьями охраняли его стеклянный купол, увенчанный прозрачным земным шаром.

На шестом этаже у окна в полный рост стоял человек в очках и, щурясь от света, высматривал что-то в потоке. Время от времени он приглаживал стриженные волосы и слушал голоса, звучавшие за его спиной. Шел третий час переговоров.

За столом восседал мужчина средних лет – очки, улыбка, акцент иностранца, который давно живет в России и говорит вполне бегло. Его компания слыла сильнейшим интернет-торговцем страны. Директору-экспату требовалось навянуть программистам, создавшим самую крупную соцсеть в России, свои условия торговли на их территории. Захва-

тить пространство, где ежедневно толчется 20 миллионов человек, мечтает каждый, поэтому иностранец старался нравиться.

Напротив него сидели двое. Белобрысый парень с ноут-буком и айфоном (представился главным разработчиком) и невзрачный тип в бейсболке. Каждому на взгляд – не более двадцати пяти лет. Программист отрешенно стучал по клавиатуре, а тип как в рот воды набрал, поэтому менеджер обращался к человеку у окна. Тот прославился в качестве attack dog, жесткого переговорщика, но сегодня вел себя тихо. Это немного сбивало с толку, ну что ж, бывает.

Переговорщик отвернулся от окна и спросил: «Так что, вы продолжаете настаивать, что с разных категорий товара заплатите нам разный процент?» Экспат закивал; он неоднократно обосновывал свою позицию – каждый товар имеет оборачиваемость, популярность – короче, это бизнес, ничего личного.

«Послушайте, – вздохнул переговорщик. – Мы внедряем этот сервис, „Желания“, чтобы миллионы пользователей могли дарить друзьям товары. Мы выбрали вас и даем вам кнопку, которая в один клик позволяет приобрести подарок за нашу валюту. Эта кнопка приведет к вам миллионы покупателей».

Ерзая в кресле, экспат повторил свои аргументы. Он давно и железобетонно уяснил: всему есть цена, и благородные устремления существуют, чтобы набить цену. Парни просто

торгуются.

«Хорошо, – произнес он. – Уважая цели вашей компании, я готов на 5 процентов по мягким игрушкам». Программист покрутил головой и продолжил стучать по клавиатуре. Переговорщик вернулся к столу, откинулся, развел руками: «Мы настаиваем – 10 процентов».

«Понимаю, – твердо сказал менеджер. – Но такая комиссия для нас неприемлема».

«Тогда 20 процентов! – неожиданно заорал тип в бейсболке. – 20 процентов! Или мы подписываем контракт немедленно, или мы не работаем с вашей компанией!» Он вскочил, сунул руки в карманы черных брюк и зашагал, чуть скособочившись и наклонившись вперед, вдоль стола. Иностранца предупреждали об эксцентричности этого деятеля, но не до такой же степени, мы здесь все приличные люди.

«Черт возьми, я думал, что мы работаем с инновационной компанией, а вы торгуетесь, как на базаре, – чеканил тип. – Мы создаем новое, совершенное средство коммуникации, а вы... что вы тут вообще устраиваете?!»

Иностранец лихорадочно соображал, как себя вести: исполнитель роли attack dog сидел совсем не там, где он предполагал, и напал неожиданно. Ему говорили, что «плохого следователя» играет стриженный очкарик, а этот, якобы гениальный программист, всегда вежлив. Хотя чего думать, надо успокаивать чертова неврастеника, пока не сбежал.

«Подождите, Павел, – экспат примиряюще развел рука-

ми. – Я прекрасно вас понимаю и ценю ваш продукт, вы работаете на переднем крае технологий...» – продолжал он, краем глаза фиксируя, что гений вернулся на стул, сбросил бейсболку, быстрым движением пригладил черные волосы и водрузил кепку обратно.

Удивительно, что за два часа у этого человека несколько раз тасовались, как карты, личности. Первая – подросток, глядящий черными глазами куда-то вбок, растерянный; подбирает слова; неестественность, выпирающие углы жестов, то плавных, то стремительных, выдают тлеющее внутри безумие. Вторая – нагловатый бизнесмен. Третья – интеллигент, с лету разбирающийся в проблеме и способах ее решения.

Об этом человеке говорили, что выше всего он ценит кодеров, а остальных людей в компании считает вторым сортом. Впрочем, много что рассказывали про его социальную сеть. Что нигде нет программистов такого класса, чтобы тридцать человек поддерживали сложную архитектуру серверов и присутствие десятков миллионов юзеров. Что «ВКонтакте» создали масоны. Или, наоборот, чекисты, а Павел Дуров – выдуманный персонаж.

Экспат взял себя в руки, отбросил иррациональную симпатию, которую вызывал нахальный противник, и аргументировал: наша компания тоже высокотехнологичная, но бизнес-резоны одинаковы для любой отрасли. Переговорщик кивал. Буря эго стихла. Можно повторить насчет 5 %.

Но Дуров опять подскочил: «Вы считаете, будто мы на-

бываем себе цену. Вы просто тратите наше время. Два часа я слушаю вас, хотя мы могли бы договориться и запустить эксперимент. Хватит!» – и опять направился к двери.

В мозгу экспата столкнулись и заискрили несколько соображений. Эксперимент по-любому выгоден, а если безумец оборвет переговоры, то более сговорчивые конкуренты быстро заключат с ним контракт. Проклятые программисты, возомнили о себе черт знает что. А как отреагируют на объяснения о разрыве договоренности насчет сделки мои акционеры?

«Павел, подождите! – закричал экспат устремившейся к дверям фигуре в черном. – У меня есть предложение, я согласен, вы правы! Мы сейчас разгорячились, а это вредно для бизнеса. Предлагаю договориться в общих чертах, а конкретизировать условия приглашаю вас, Илью и Андрея в мое шале в Швейцарии. Встреча, отдых – все на мне. Мы спокойно посидим...»

Экспат прервался, потому что увидел, как переговорщик смеется. Программист тоже улыбался, а предводитель шайки молчал, внезапно успокоившись, будто и не бегал к двери. Наконец Дуров любопытно наклонил голову и произнес: «А вы еще и коррупционер. Интересно. Мы из вашей Швейцарии два дня назад прилетели и полетим еще, когда захотим».

Экспат вздохнул и быстро сказал: «ОК, давайте зафиксируем ваши условия».

Гостя проводили по ковровой дорожке до лифта, чья золоченая клетка наводила на мысль, что программисты сняли этаж у реликтового министерства. Затем переговорщики прошли в залу с анфиладой кабинетов. Троица так громко хохотала и обсуждала окаменевшую физиономию иностранца, что на смех начали сходиться странные люди. Они выползали из кабинетов с магнитными досками, где литерами были набраны таблички вроде: «Сквот ИЕ. Кости в танке», «Наркомпросвет», «Злые пользователи», «Музей Дурова» и т. п. Большая часть пришедших носила футболки, схваченные ремнями выше пояса, а некоторые гордо застегнули рубашки на верхнюю пуговицу.

Странные люди выглядели как кодла ботаников родом из эссе Пола Грэма *Why Nerds Are Unpopular*, которая сбежала с олимпиады по физике и учредила свое государство на необитаемом острове.

Собравшись в круг, нёрды вслушивались в детали переговоров. Кто-то наливал сок из автомата, выжимавшего апельсины. Кто-то, забыв, зачем пришел, обсуждал возможности языка C++.

«Классный момент был, – пересказывал главный программист. – Этот нам: „Вы хотите десять, но мы не можем дать больше пяти“. А Павел ему: „Двадцать!“» Нёрды заулыбались. Старожилы помнили, как предводитель менял себя и учился вежливо хамить.

«Так торгашей и надо троллить», – произнес кто-то. Мы

занимаемся важными для будущего вещами, и зачем терять время на какие-то проценты. «Прозрачная позиция отлично работает», – добавил переговорщик. «Да, конечно, – кивнул лидер, – когда ты не врешь, тобой нельзя манипулировать».

«Павел, – спросил один из программистов, – а правда, что наш инвестор хочет слить бизнесы в один холдинг – и мы как бы войдем туда?» Пауза. «Вполне возможно, что так».

Еще пауза. Нёрды признавали, что слияние с корпорацией может принести больше проблем, чем ярость сетевых коммерсантов. Речь шла о возможной войне за независимость, потеря которой означала бы распад их коммуны, живущей по своим законам.

Мало кто в доме Зингера догадывался, что война идет с первого года жизни «ВКонтакте» и имеет свое предназначение. Возможно, это знали медные валькирии, но никому не говорили и молчали, взирая на человеческий трафик, который тек под ними, несмотря на то что собор, мосты и весь Петербург погрузились в ночь.

* * *

Историю с переговорами мне рассказали ее участники со стороны «ВКонтакте», предусмотрительно записавшие беседу на диктофон (их оппонент не отреагировал на просьбу прокомментировать отношения с домом Зингера).

Я слушал и размышлял о том, что мы не заметили, как

нёрды сломали картину мира. Похожие друг на друга утра: конструктор из многоэтажек; толкотня у поручня или ругань на перестраивающихся справа; метро; люди, уткнувшиеся в газеты, пусть даже в телефоны, — дело не в носителе, мало кто замечает, насколько стремительно технологии изменили сознание и психику.

Сто лет назад человек скакал на лошади к другу, позже пугался прибывающего поезда и плакал, услышав голос в трубке на расстоянии. Знание в пределах одной страны доставлялось днями, часами, наконец, минутами — теперь люди обмениваются информацией мгновенно. Человек говорит и видит абонента, следит за его жизнью в фотокартинках и видео. Люди не стали ближе, но стали откровеннее за считанные годы.

Если раньше личными переживаниями владели мы сами и отчасти наши близкие, то теперь — это любой, перед кем мы хотим обнажиться. Даже если вы не дали допуск к своим мыслям, переживаниям, фото, все равно есть люди, которые владеют выплеснутым вами содержанием жизни — то есть надеждами и страхами, горем и эйфорией, похотью и изменой, сокровенным и непростительным. Тем, в чем признаются, давясь словами, на последней исповеди, владеют люди, которых никто, по сути, близко не знает. Даже если эти люди, втащившие мир в двоичный код, держат слово, как врачи или адвокаты, все равно знание человеческой изнанки у них достовернейшего качества.

В соцсетях человечество обрело децентрализованную нервную систему – одну на многих. Кто контролирует ее нервные окончания, тот знает о людях все: профиль с интересами, биографией, фото, плейлистом сам по себе стал высказыванием и идентичностью.

Миллионы идентичностей порождают «мудрость друзей», то есть коллективное мнение многих, которое становится решающе значимым. Это вызов и раздражитель для экспертов в любых областях знания, которые оказались лишенными монополии на исчерпывающую оценку происходящего в мире.

Социальные сети – это ЦНС, регулируемая не пользователем, а хозяевами кода. Кто эти хозяева, какими качествами наделены, чего хотят, к чему стремятся?

Год назад журнал Vanity Fair выпустил номер о новом истеблишменте. Его вполне можно было бы озаглавить «Мир во власти нёрдов». Более половины списка агентов влияния на умы – программисты, воплотившие свои идеи в коде.

Услышав рассказ о переговорах «ВКонтакте», я подумал, что сценка в переговорной очень характерна и узнаваема. История отличников, которые обвели вокруг пальца мир троечников, мне была близка со школы. Как всякий чуть-чуть соображающий хорошист с трояками по нелюбимым предметам (а также отсутствием дисциплины, чтобы их выучить), я торчал между высоколобой Сциллой и быдловой Харибдой. Одна из моих ролей заключалась в том, что-

бы служить медиатором между одними и другими, проводником, который мирит, объясняет, находит точки, где одни могут быть полезны другим. Иногда процесс напоминал зажимание зубами оборванного провода связи.

Когда настала цифровая эпоха, эти два мира, две жизненные стратегии находились в точке перелома. Интернет обеспечил тех, над кем хихикали девочки и издевались гопники, шансом подчинить себе мир, облагородить его и упорядочить. Ботаниками в руки попало сильнейшее оружие, и им, горбATIVшимся на государства и мегакорпорации, открылось, что код способен изменить мир без посредников. Нажал «ввод» – и things will never be the same again.

Социальные сети – верх их реванша: весь мир создает контент, которым владеет и на котором зарабатывает сама платформа. Люди делятся фото, эмоциями, страхами, самым сокровенным – на их коммуникациях интернет-герои зарабатывают миллиарды. Сервисы вмешиваются в чужие жизни и высасывают из них самое дорогое. Хотите быстро познакомиться – Badoo, продать себя дороже – LinkedIn, составить альбом своей жизни, читая лучшее из газет и журналов и просматривая фото друзей, параллельно переписываясь с ними, – Facebook и «ВКонтакте».

Мир ловил меня, но не поймал, писал философ Григорий Сковорода. Ботаники поймали мир, и Павел Дуров казался типичным генералом этой армии ночи.

Год назад я колесил по Петербургу. Вокруг гремел День города, человеческие течения напоминали переплетающуюся в ручье траву. Лето еще не разбросало нужных мне людей по отпускам, поэтому мне удалось встретиться с университетскими друзьями, школьными учителями и коллегами Дурова.

Если раньше из его биографии были известны мало что раскрывающие факты («отличник с двойкой по поведению», университетский активист), то теперь кое-что прояснялось. Впрочем, сам он не откликался на письма. Лишь когда меня рекомендовали буквально со всех сторон, ответил в интернет-мессенджере, что не хочет давать интервью Forbes, так как ему плевать на деньги. Я схватился за эту соломинку и начал спорить. Выяснилось, что взгляды сторон на цель и смысл предпринимательства совпадают, и мы проболтали до четырех часов утра.

Ночной разговор послужил отправной точкой для этой книги.

По мере того как я изучал путь «ВКонтакте», передо мной разворачивалась совсем другая история – более глубокая; не столько о реванше нёрдов, сколько о последствиях их революции.

Дуров оказался той же крови, что и предприниматели но-

вого поколения, стремящиеся изобретать сервисы, которые решают глобальные проблемы (их пока меньшинство в списке Vanity Fair). Например, есть такая малоприятная штука, как непрозрачность или асимметрия информации. Facebook во главе с Марком Цукербергом толкает людей к все большей прозрачности их жизни – привыкай к тому, что твои поступки и связи видят все. Граждане переносят новые паттерны поведения, к примеру, с частной жизни на отношения с государством и бюрократией.

«Я боюсь не новых идей, а старых», – как-то написал Дуров и сформулировал ключевую ценность новых «социалистов»: движение вперед. Он, странный юноша не без снобизма и мизантропии, сначала прятался от публики, а в последнее время, напротив, чудил – разбрасывал деньги с балкона дома Зингера, придумал эротическую фотосессию моделей в своем кабинете, подписывал футболки поклонникам на Дворцовой площади. Перед этим вызвал лютую ярость сталинистов, написав 9 мая в личном твиттере, что нечего радоваться победе, вернувшей страну в руки палача.

Когда в декабре 2011 года поднялись протесты, он не испугался прокуратуры и не стал ограничивать количество участников группы оппозиционного политика Алексея Навального. Незадолго до этого, на свой день рождения, вывесил на личной странице коллаж из кадров разных фильмов и приписал из «Фауста»: *Vi veri universum vivus vici* – «[Силой] истины я, живущий, покорил вселенную». Коллаж уви-

дели 3,6 млн подписчиков – аудитория, которой вещает Дуров, перекрывает любое печатное издание в стране.

Как ни странно, у этого пафосного человека оказалось много фанатов среди его негромких коллег – интернет-миллионеров. Мало кого принципиально смущало наличие во «ВКонтакте» порнографии и фильмов, выложенных без уведомления правообладателя.

Однажды зимой, стоя у окна цеха бывшей шоколадной фабрики, я наблюдал за рекой. Теплоходы без труда рассекали ледяную кашу по проторенному кем-то створу. В глубине зала начиналось представление, посвященное рейтингу сетевых предпринимателей Forbes. Чтобы развлечь публику, коллеги устроили голосование в нескольких номинациях.

Зная, что в одну из них – «лучший CEO» – номинирован Дуров, я устроился рядом с основателем «Яндекса» Аркадием Воложем. Нам раздали пульты с тремя кнопками – по каждой на кандидатуру. Первые две номинации Волож сидел спокойно, а когда объявили третью, занес палец над цифрой «3», полагавшейся Дурову, и держал так несколько минут, пока конференсье живописал подвиги номинантов.

Я догадывался, почему владелец компании, стоившей миллиарды и торговавшейся на бирже NASDAQ, проголосовал – как и многие другие – за сына профессора филологии. Дуров создал цифровое государство с населением сто миллионов человек – причем произвел этот финт под носом у государства, где бизнесмены переживали эпоху мелкоте-

мья и боязни не угодить вертикали власти.

«Причина нелюбви ко „ВКонтакте“ заключается в том, что каждый считает, что во „ВКонтакте“ неправильно ведутся дела, недостаточно активно вычищается порнография и „пиратские“ фильмы, а он, дескать, знает, как правильно, – писал случайный комментатор на сайте интернет-деятелей Rost.ru. – Факт: Дуров с командой взял на себя смелость войти в тему, оседлал тренд и теперь гребет бабло, и именно потому, что выстраивает политику так, как считает нужным».

Когда я искал ответ на вопрос, что движет пользователем Twitter под ником Porn King и его командой, которые затащили в «новую нервную систему» более 100 млн человек, то не предполагал, что история стартапа превратится в триллер о сражении за свободу в двоичном коде, цифровой среде.

Исследуя путь взбесившегося и анархического государства нёрдов, каковым, безусловно, является «ВКонтакте», я спиной ощущал взгляды персонажей Бека, Вулфа, Капоте и других охотников за выдающимися историями, которые следует поймать, а не придумать.

И зачем что-то придумывать, если перед тобой люди, которые построили систему каналов, в которых бежит чужая жизнь и создаются миллионы идентичностей-гомункулов. Разговаривая с Дуровым, я чувствовал себя режиссером из первой сцены «Пиратов Кремниевой долины», которому Джобс внушает, что предстоит снять не рекламу, а блокба-

стер об устройстве, которое изменит мир.

Герой оказался сильнодействующим продавцом идей, и автору стоило много труда раскопать слой, лежащий в их основании. Однако я старался отсекал факты о «ВКонтакте» от интерпретаций и подвергал сомнению даже те эпизоды, которые не вызывали вопросов. Это было интересно. Как говорится, *so long, and thanks for all the fish*¹.

---

¹ «Всего хорошего, и спасибо за рыбу!» (*англ.*) – юмористический научно-фантастический роман британского писателя Дугласа Адамса. Четвертая часть серии книг, известных под общим названием «Автостопом по галактике». Само название романа является прощальной фразой дельфинов человечеству из первой книги цикла, когда те покидали Землю перед ее уничтожением вогонями (чтобы освободить место для гиперпространственного экспресс-маршрута).

Глава 1

Ботанический сад

Мальчик с томом Сервантеса выходит из подъезда, оги-
бает автомобиль, который какой-то негодяй поставил так,
что пешеходы еле протискиваются мимо, и сворачивает за
угол. Перед ним пустынные кварталы, поля и высоковольт-
ные вышки, а в физиономию дует ветер – как везде в Петер-
бурге, но в этом районе особенно. Рядом море.

Архитектор раскрасил панели домов в оранжевый и бор-
довый, чтобы однообразное серое не свело район с ума. Рас-
стояния между корпусами напоминают о заполярных горо-
дах, где возводить что-либо можно лишь на сопках, а дворы
имеют сторону в километр. Летом они зарастают одуванчи-
ками, разнотравьем и камышом. Вокруг осушенные болота.

Сканируя пространство на предмет гопников, мальчик
с книгой идет к трассе. Некоторые многоэтажки недострое-
ны, а улицы недочерчены. У одного корпуса поставили сти-
лобат, а потом, видимо, куда-то просадили деньги – оста-
лась бетонная коробка. Внутри нее горят костры и сидят пар-
ни, курят, треплются и малюют граффити. Весной разлива-
ются лужи, и парни сколачивают плоты, чтобы перебраться
с континента «Камышовая» на континент «Ситцевая». Мая-
чат котлованы, наполненные мутной водой. За ними чернеет

лес.

Перепрыгивая через лужи, мальчик проходит недострой и выбирается к дороге, по которой век назад возили торф. Справа забор кладбища и березки у надгробий. Слева перекопанная площадь, окруженная скелетами панельных многоквартирных гигантов. Гиганты глядят свысока на рабочих в отсыревшей одежде, которые поднимаются из-под земли, где вот-вот – ожидание затянулось на годы – откроется новая станция, последняя на ветке.

Несколько лет мальчик ходил к площади по грязной тропинке, и ему казалось, что он перемещается в предместье Аида: перед ним возникал строй теней – пенсионеры и несунны с завода продавали метизы, подшипники и еще что-то из подвергшихся насилию металлов; когда метро наконец ожило, тени исчезли. Пока же метро не открылось, дорога мальчика к ближайшей станции и оттуда до школы лежит через подболоченное поле, засеянное бетонными столбами и их обломками. Наверху в проводах гудит электричество. Серют трубы, а зиккурат фабрики, выпускающей фотоаппараты, сбегает вниз ступеньками – тупыми серыми блоками.

Оглянувшись, мальчик форсирует торфяную дорогу и упирается в поле. Перед ним заброшенный аэродром и остатки военной базы. Бомбоубежища, накрытые искусственными холмами, и закрытые на замок корпуса, бункеры. Он взбирается на холм и разглядывает дымящиеся горы мусора вдаль. Когда ветер дует неудачно, сталкер ощущает

присутствие ужаса квартирных маклеров – помойки. Пейзаж как бы говорит: больше трэша, больше ада.

Но в этот раз дым не долетает, пахнет морем. Мальчик, устраиваясь на крыше бункера, открывает книгу и погружается в нее. Гопники сюда не забредают, да и вообще кругом живет мало людей. Он худой, невысокий, не различает буквы на третьей строчке снизу; логопед не плакал по нему, а пожалуй, справлял тризну. И он торчит часами на крыше в одиночестве, если не считать Сервантеса.

Он мог бы пригласить с собой братьев, но старший, сводный, Михаил – взрослый, жил отдельно от матери, а средний, Николай, был настолько умен, что не интересовался аэродромом. Когда Николаю было три года, родители сажали его на свободное место в троллейбусе и выдавали книгу – например, «Популярную астрономию». Никто из попутчиков не верил, что ребенок ее читает, – рассматривает, поди, – но Николай читал. Он рано выучился арифметике, а в семь лет щелкал кубические уравнения. Однажды его даже зазвали в телевизор на шоу вундеркиндов.

Это произошло, уже когда семья перебралась с Балтики на Адриатику. Отцу, доктору филологии, предложили учить иностранцев русскому языку в Индии или Италии. Индусы манили поместьем с садом, прислугой, комфортом. Итальянцы известили, что главу Института русского языка ждут в однокомнатной квартире, но в Турине. Что выберет латинист?

В общем, «мальчика с Сервантесом» – то есть Павла – не

взяли в стесненные условия и оставили бабушке, пока не наладится быт. Та жила на Невском проспекте в тридцатиметровой комнате, окруженной чистилищем коммуналки. По блокадной привычке крутила страшное количество консервов и заполняла полки банками. Семья не сообщила Павлу, что летит в урезанном составе. Когда объявили едва ли не в последний момент, он, четырех лет от роду, не переварил это известие и начал бить банки предательства.

Бабушка паниковала и жаловалась родителям: мальчик капризный и неуправляемый. Среди ночи он щелкал кнопкой телевизора и пялился на экран. Показывали заседание во Дворце съездов, и его, как многих детей, захватывал поток непонятных и интересных слов: «президиум», «кандидат», «перестройка», «гласность», «кооператив». Его первое воспоминание о себе – как сидел на ковре и строил из кубиков башню. Второе – как ставил кости домино одну на другую, стараясь забраться как можно выше, пока стела не рухнула.

«Исступленное стремление к созиданию изначально есть практически у всех, просто у меня оно осталось по мере взросления и не было вытеснено псевдоценностями общества потребления, – этот пассаж высветился на экране в половину четвертого одного июньского утра. – Возможно, потому что я сохранял голову в чистоте: не смотрел телевизор, не читал газет, не принимал на веру мнение авторитетов».

Мы переписывались восемь часов подряд, отвлекаясь на разговор с редактором (автор) и консультацию разработчи-

ков (герой). Подумав, Дуров добавил: «А может быть, это не причины, а следствия. Все, ухожу, я сегодня еще не ел».

Позднесоветский детский сад мало отличался от современного – раз ты прописан в таком-то районе, значит, твоя тарелка манной каши именно там. Тусклыми утрами мальчик и пожилая женщина выходили из подъезда, пряча глаза от ветра, и ждали троллейбуса. Цепляясь за перила, лезли в него, как альпинисты по веревке, и тратили часы своей жизни, чтобы достичь окраины. Так Дуров возненавидел бюрократию.

Через несколько месяцев мать прилетела и забрала его с собой. В итальянской школе детей учили иначе, никакого принуждения. Тогда-то педагоги и опознали в его брате Николасе вундеркинда, а телевизионщики рекрутировали на телешоу.

Павла никуда не звали. Но, во-первых, ему перепало от эрудиции брата. Родители, уложив их, гасили свет и уходили, после чего старший пересказывал младшему самое интересное из прочитанного за день: созвездия, логарифмы, origin of species и т. д. Они, разумеется, дрались и дулись друг на друга, но старший не жадничал и делился тезаурусом.

А во-вторых, младший брат был одарен по-своему. Когда в семью приходил гость, он брал карандаш и бумагу и под кухонный диспут рисовал прибывшего. Перед тем как портретируемый собирался прощаться, ему демонстрировали картину – и часто сходство сражало; конечно, если учесть, что

автор – первоклассник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.